W 211/693

2007044076

9Ce
17305
W 211/693

ЕКАТЕРИНА II—ЗАКОНОДАТЕЛЬНИЦА.

П. Петровъ.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

ПОЛЬЗОВАНО

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 декабря 1863 года.

ВОРАШЕНО

Въ типографіи **В. Спиридонова и К°.**

ЖВ 088-46

9Ce
17 305

ЕКАТЕРИНА II—ЗАКОНОДАТЕЛЬНИЦА.

«Наше первое желаніе есть видѣть нашъ народъ столь щастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться.»

Манифестъ 14 декабря 1766 г.

Личность императрицы Екатерины II такъ многообразна, что для самаго поверхностнаго знакомства съ нею требуется не одинъ обзоръ ея жизни, болѣе или менѣе полный и основательный, а отдѣльное изученіе ея,—какъ руководительницы судьбами имперіи въ дѣлахъ внѣшней политики, блюстительницы спокойствія и благоденствія внутренняго, поощрительницы всякаго полезнаго начала и наконецъ образовательницы общества, если не цѣлаго, то живой части его — средняго круга. Права ея на одинъ изъ главныхъ титуловъ монархини. Екатерина II-законодательница, мы прослѣдимъ теперь.

Въ каждомъ вопросѣ, требующемъ обсужденія, прежде всего представляются двѣ стороны, опре-

дѣляющія важность его: настоятельная потребность даннаго рѣшенія и его послѣдствія. Настояла ли насущная потребность во время Екатерины въ измѣненіи законовъ, и каковы были преднамѣренныя и осуществленныя ею измѣненія ихъ?—вотъ два фазиса, которые мы постарасмся себѣ выяснить.

Отвѣтомъ на первый вопросъ будетъ послѣдовательное изложеніе попытокъ правительства улучшить наше законодательство.

Дѣятельность законодателей до Екатерины покажетъ, что̀ ею совершено.

Съ отдаленнаго времени нашей исторіи, каково правленіе Ярослава I Владиміровича, заботливость главъ государства обращалась на изданіе законовъ, удовлетворявшихъ настоятельной потребности, при ограниченныхъ еще нуждахъ и случаяхъ общественной жизни. Во времена уже полнаго развитія идеи царства московскаго, при Іоаннѣ IV, требованія современности, въ 500 лѣтъ сдѣлавшей «русскую правду» Ярослава слишкомъ недостаточною, выказались въ «Судебникѣ», «куда вошли, какъ и въ «Правду», постановленія чужія, но по аналогіи обычаевъ подходящія къ нашимъ. При второмъ государѣ изъ дома Романовыхъ, принимая въ соображеніе быстрѣйшій ходъ гражданственности за столѣтіе, истекшее отъ временъ Грознаго,—въ третій разъ обновлены законы русскаго народа изданіемъ «Уложенія».

Каждый изъ этихъ сводовъ постановленій, въ свое время конечно достигалъ цѣли—отправленія полнаго правосудія, по понятіямъ современниковъ, но, какъ мы видимъ и изъ потребности составленія Уложенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, обновленіе законовъ, съ быстрымъ возникновеніемъ и возрастаніемъ новыхъ условій гражданственности, стало требоваться чаще, такъ что уже съ первыхъ годовъ своего царствованія Петръ I задумалъ составить новый сводъ законовъ. Эта воля царя, обнимавшаго геніальнымъ взглядомъ всѣ части своей обширной земли, выразилась въ указѣ 18 февраля 1700 г. (П. с. з. т. IV, № 1765, именной). Имъ созывались бояре «сидѣть въ государевыхъ палатахъ у уложенья и изъ уложенной книги (1649) и съ именныхъ указовъ и съ новоуказныхъ статей... сдѣлать вновь, снести уложенье и новыя статьи..... и которыя дѣла вершены, а въ уложеньѣ и въ новоуказныхъ статьяхъ объ нихъ не положено.» Бояре должны были слушать постановленія, вносимыя имъ въ спискахъ дьяками изъ всѣхъ приказовъ. Это, впрочемъ, по случаю начавшейся сѣверной войны, поглотившей все вниманіе царя, не состоялось, или по крайней мѣрѣ получило ходъ, долго медленный, что, управившись съ Карломъ XII, Петръ напалъ уже на другую идею, опять вслѣдствіе введенныхъ новыхъ обычаевъ иностран-

ныхъ и рѣшительной цѣли измѣнить старинный бытъ въ ближайшій къ западно-европейскому. Для такой цѣли, ближе познакомившись со шведами въ лицѣ плѣнныхъ, Петръ I находилъ болѣе соотвѣтствовавшимъ шведское уложеніе, велѣлъ перевести его на русскій языкъ и, сравнивъ съ существовавшими у насъ законами, выбрать изъ того и другаго что̀ признается за лучшее. Такой характеръ данъ новому законодательному труду указомъ 9 декабря 1719 года. Положено, не откладывая, приступить къ чтенію уложенія и нашихъ постановленій съ 7 января 1720 года, и, такъ какъ досужливому на все государю трудъ казался невеликимъ, «кончить его къ концу октября того же года». Если мы станемъ сравнивать съ этимъ срокомъ краткость составленія уложенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ—всего въ три мѣсяца, то простая вставка статей изъ шведскаго въ наше уложеніе и замѣна ими нашихъ законовъ казалась бы дѣломъ нетруднымъ, но имѣлось въ виду еще кое-что другое, именно *сличеніе* статей, и стало быть обсужденіе что̀ гдѣ *важнѣе* въ старомъ уложеніи или въ шведскомъ. Положимъ, императоръ принималъ на себя трудъ окончательной редакціи, и требовалъ только подбора пунктовъ шведскаго уложенія, «которые покажутся несходными къ нашему народу», но при этомъ требова-

лось «противъ оныхъ» не только «изъ стараго уложенія», но и «новые пункты дѣлать», а къ такой задачѣ едва ли были способны опытные дѣльцы-дьяки, привыкшіе правда на службѣ «подбирать указы какъ карты въ игрѣ», приличио случаю, но полнѣйшіе невѣжды въ наукѣ права, безъ которой немыслимъ трудъ законодательства. Еще болѣе дѣльцовъ этихъ, юрисконсультовъ по наряду, должно было сбивать съ толка *руководство правами эстляндскими и лифляндскими* «для помѣстныхъдѣлъ, «ибо оныя» гласилъуказъ «сходнѣе .. почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣютъ, какъ у насъ.» Едва ли такое обязательное предложеніе могли въ толкъ взять русскіе дѣльцы того времени.—Дѣло такъ и не достигло конца; срокъ прошелъ, и уложеніе не внесли. А черезъ четыре года не стало и Петра I.

Вѣроятно, верховники, управлявшіе судьбами Россіи при Петрѣ II ясно сознали, если не можновзеность, то неполное достиженіе цѣли обновленія законодательства посредствомъ кабинетной работы сводчиковъ указовъ—дьяковъ, потому, предполагая на первый разъ хотя пополнить прежнее уложеніе, вызвали *выборныхъ* «изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей». Конечно, имѣлись въ виду люди, *знающіе* по крайней мѣрѣ мѣстныя нужды и потребности, потому то положено къ 1 сентября выслать въ Москву «изъ каждой гу-

берніи, кромѣ Лифляндской, Эстляндской и Сибири, по пяти человѣкъ, выборомъ отъ шляхетства». Ясное дѣло—разсчитывалось на грамотное населеніе, а грамотность въ служивыхъ людяхъ, послѣ указовъ и понудительныхъ постановленій Петра I, была дѣломъ несомнѣннымъ; но то бѣда, что одной грамотности тутъ недостаточно, и пригодность къ службѣ не можетъ пополнить недостатка спеціальныхъ свѣдѣній, даже въ людяхъ неглупыхъ. Другая неисполнимость добраго побужденія верховниковъ, при недостаточномъ образованіи дворянъ, было допущеніе выборнаго начала, къ которому и самый развитый послѣ духовенства классъ былъ еще мало приготовленъ, что мы видимъ даже въ дѣлѣ выборовъ въ предводители и другія дворянскія должности гораздо позднѣе, при Екатеринѣ II, какъ объяснится впослѣдствіи. Прежде всего, напуганные петровскими постановленіями, дворяне неохотно шли на выборы, и выбирали уже конечно такихъ людей, которые не могли имѣть на столько вліянія, чтобы избавиться отъ назначенія, грозившаго въ будущемъ неизвѣстностью, во всякомъ случаѣ обѣщавшею мало удовольствія, не говоря уже о томъ, что выборъ для службы, отвлекая помѣщика отъ его дома и земель, разстраивалъ окончательно хозяйство. Полтина на день, обѣщанная указомъ, положимъ, хотя сколько ни-

будь, а для малоземельныхъ, пожалуй, и совсѣмъ, вознаграждала потери домашнія, но уже никакъ «не прельщала» ни чью алчность, какъ замѣтилъ весьма остроумно профессоръ Соловьевъ въ своей статьѣ «1767 годъ». Правда, угроза—описанія помѣстьевъ и вотчинъ на императорское величество — сдѣлала свое: явились выборные; но,какъ мы и выше замѣтили, выбрали людей ужъ конечно не лучшихъ, которые ока-зались къ дѣлу неспособными. Весною послѣдовалъ новый указъ (16 мая 1729 г.): «офицеровъ и дворянъ, высланныхъ для сочиненія уложенія, нынѣ отпустить въ домы ихъ по прежнему, а къ губернаторамъ послать указы, чтобы на ихъ мѣста, выбрали другихъ знатныхъ и добрыхъ людей, которые бы къ тому дѣлу были достойны, изъ каждой губерніи по 2 человѣка, согласясь губернаторамъ обще съ дворянами.» Выборные списки велѣно, прежде высылки людей, высылать въ верховный тайный совѣтъ, вѣроятно для собранія предварительныхъ справокъ, что за люди вновь выбранные? Тутъ же, въ видахъ побужденія къ выбору годныхъ для требуемой цѣли, прописана и угроза губернаторамъ, что ежели ихъ выборъ падетъ на неспособныхъ къ дѣлу, то «взыскано будетъ на нихъ»; для чего и должны были губернаторы сами лично или ихъ товарищи привезти выборныхъ въ столицу, когда послѣдуетъ новый указъ о высылкѣ. Но указа не

послѣдовало, а чрезъ семь мѣсяцевъ не было и Петра II. Императрица Анна вскорѣ послѣ своего воцаренія, обратилась тоже къ мысли, во что бы то ни стало, совершить уложеніе, которое въ указѣ 1 іюля 1730 названо «начатымъ». Хотятъ же, въ самомъ постановленіи отъ своего лица говоритъ императрица, что Петра I не допустили, къ исполненію его намѣренія, вѣйны, другіе труды, а напослѣдокъ болѣзнь и смерть, а въ слѣдующія царствованія «понынѣ ничего на сдѣлано». Потребность, всѣми сознаваемую, государыня тутъ выясняетъ сама и прямо, что послѣ перваго уложенія, «многіе разные указы и въ разныя времена выдавались и затѣмъ есть одинъ съ другимъ не вовсе согласные, черезъ что случай подаетъ безсовѣстнымъ судьямъ, подбирая указы, на которую сторону хотятъ, дѣла вершить неправедно.» Чтобы прекратить такое несчастное положеніе правосудія, «милосердуя къ вѣрноподданнымъ, чтобы во всей имперіи былъ судъ равный и справедливый», повелѣно для *немедленнаго окончанія* уложенія, «опредѣлить къ тому добрыхъ людей, по разсмотрѣнію сената, выбравъ изъ шляхетства, и духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ.»

Составляемое уложеніе, какъ за два года назадъ въ верховный тайный совѣтъ, такъ теперь

въ сенатъ, должно было вноситься по главамъ; и ихъ «слушать въ сенатѣ всѣмъ собраніемъ»; по утвержденіи же заслушаннаго, вносить на апробацію государыни, и тотчасъ по подписаніи ею, печатать и публиковать для немедленнаго дѣйствія по новымъ постановленіямъ. При такомъ изданіи по главамъ, конечно тотчасъ является мысль, что такъ поспѣшно составленныя, отдѣльныя положенія могли естественно нуждаться въ общемъ согласованіи; но о томъ не могло быть и рѣчи при тогдашнемъ взглядѣ на законодательство, которому желали помочь, прежде всего устранивъ противорѣчія въ законахъ. Сдѣлано ли что составленною для этой цѣли коммисіею, мы не знаемъ; дѣятельность ея нѣкоторымъ образомъ, впрочемъ, заявлена въ приготовленіи къ изданію указовъ Петра I и Екатерины I. Этого, скажутъ, недостаточно.-Можетъ быть; но въ этомъ не вполнѣ виноваты призванные для этой цѣли члены коммисіи: тайный совѣтникъ Наумовъ, дѣйствительные статскіе совѣтники Зыбинъ и Баскаковъ, бригадиръ Засѣцкій и статскіе совѣтники Соколовъ, Вельяминовъ, Потемкинъ, Алмазовъ и Высоцкій. Можетъ быть, они понимали, что такъ дѣлать нельзя, какъ дьяки царя Алексѣя Михайловича; но лучше не могли. Неудача попытки составить уложеніе все же имѣла и добрую сторону: большее уясненіе взгля-

да на законы вообще и въ особенности на законодательство. Черезъ четверть столѣтія, при Елизаветѣ Петровнѣ, забота правительства состояла въ «сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельству нынѣшнихъ временъ, въ примѣненіи обычаевъ и нравовъ, по которымъ необходима и перемѣна законовъ быть должна.» (Указъ 24 августа 1754 г.)

Какъ непосредственною ступенью въ переходѣ ко временамъ Екатерины, мы займемся послѣднимъ законодательствомъ подробнѣе. Тогда, сверхъ составленнаго въ коммиссіи, учрежденной при сенатѣ, плана, и кромѣ лучшаго разсмотрѣнія уложенія съ указами, чтобы «всѣ сумнительства пресѣчены, недостатки дополнены и излишки исключены»,—было еще предписано губернскимъ канцеляріямъ «сочинять пункты по матеріямъ, которыя по состоянію тѣхъ губерній къ пользѣ общенародной быть могутъ.» Слѣдовательно, вмѣсто простаго обобщенія постановленій, чисто обязательныхъ, предстояла возможность при этомъ ввести и мѣстныя учрежденія, какъ того требовало разнообразіе условій быта народностей, входившихъ въ составъ россійской имперіи, или хотя одной европейской ея части. Отсюда одинъ шагъ до смѣлаго по времени положенія Монтескье, вошедшаго въ наказъ Екатерины II, что «законы, весьма сход-

ственные съ естествомъ, суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго они учреждены.» Какъ ни проста эта истина, но, высказавъ ее въ XVIII вѣкѣ, авторъ «Духа законовъ» сдѣлалъ чуть не открытіе. Такъ далеко было современное законодательство отъ идеи о естественномъ правѣ, часто расходящемся въ подробностяхъ съ принятыми теоріями, конечно во вредъ всѣмъ и безъ особенной важности для видовъ власти законодательной. Мы не должны, впрочемъ, забывать, что постановка на видъ *мѣстныхъ условій* не допускаетъ признанія послѣдующаго затѣмъ «наказа» Екатерины единственнымъ и въ первый разъ высказывающимъ сколько либо близкій взглядъ на сущность и потребности законодательства для Россіи. Конечно, такая слабая инициатива, какъ въ указѣ 1754 года, не должна и не можетъ нисколько отнять блеска у подвига великой монархини, «наказомъ» своимъ опередившей время. Мы хотѣли сказать только, что начала, каковы бы они ни были, уже существовали, и генію законодательницы предстояло развить ихъ въ своемъ безсмертномъ твореніи, къ которому мы придемъ, не прерывая послѣдовательности.

Обратимся къ «плану» елизаветинской коммиссіи объ уложеніи. Планъ этотъ обнималъ четыре главныя части: гражданское судоустройство и судопро-

изводство, личныя права подданныхъ, права ихъ имущественныя и наконецъ уголовныя слѣдствія, преступленія и казни. Гражданское судопроизводство, начинаясь съ судебныхъ мѣстъ и родовъ дѣлъ для каждаго изъ нихъ, въ 50 - ти главахъ обнимало весь порядокъ исковыхъ процессовъ, касаясь не только обѣихъ спорящихъ сторонъ, но также и судей, ихъ качествъ, нарушенія закона съ ихъ стороны, мировыхъ сдѣлокъ, также судовъ: третейскаго, вексельнаго и словеснаго (между крестьянами). Во второй части «плана» разбираются состоянія вообще и права ихъ религіозныя, семейныя, опекунскія, владѣльческія и городскія — всего въ 21 главѣ. Въ 3-й части, въ 23-хъ главахъ, заключались постановленія о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ, межеваніи, крѣпостныхъ конторахъ, векселяхъ, завѣщаніяхъ, долгахъ, банкрутствѣ, завладѣніи, вѣдомствѣ дѣлъ вотчинныхъ, пошлинахъ и срокахъ вчинанія иска. Наконецъ, въ послѣдней части (65 главъ), преимущественно посвященной криминальнымъ процесамъ, между прочимъ въ четырехъ главахъ обозрѣвались *пытки*, съ разными «градусами» ихъ, по родамъ дѣлъ. Въ опредѣленіи главныхъ преступленій, послѣ богохуленія, слѣдуютъ церковные мятежники, еретичество и суевѣріе, раскольныхъ дѣлъ учители, а затѣмъ уже оскорбленіе величества, бунтъ и измѣна, ложное сказываніе слова и дѣла,

совершеніе безчинства на государевомъ дворѣ, разбой и зажигательство, смертоубійство, самоубійство, отцеубійство и дѣтоубійство, подкидываніе дѣтей и— волшебство. Послѣ церковной татьбы поставлено грабительство, а за нимъ кража казеннаго. Между оскорбленіями противъ личности, послѣ оскорбленія родителей дѣтьми и ругательства, поставлены пасквили и оскорбленіе судей; далѣе преступленія противъ нравственности, оканчивающіяся проституціею, за которою поставлено непосредственно — лихоимство. Послѣ главы (62), о ложныхъ доносителяхъ, слѣдуетъ глава о картежникахъ, за нею— о вредѣ, наносимомъ домашними и другими животными, а въ заключеніе о штрафованіи судей за нарушеніе формы въ дѣлопроизводствѣ (*).

Мы привели этотъ, такъ сказать, *скелетъ* уложенія, чтобы дать понятіе о взглядѣ на существенную важность коренныхъ постановленій у насъ въ по-

(*) Коммисія уложенія при сенатѣ, подъ предсѣдательствомъ генерал - рекетмейстера Дивова, состояла изъ семи членовъ: вице - президента юстицъ - коллегіи Эмме, судей приказовъ Безобразова и Юшкова, обер - секретаря Глѣбова, совѣтника Лапунова, профессора академіи наукъ Штрубе-де - Пирмонтъ и бургомистра главнаго магистрата—Вихляева. На долю этой коммисіи выпало разсужденіе о дѣлахъ, касавшихся коллегій, юстиц— и вотчинной, приказовъ сыскнаго и суднаго и магистратскаго суда. Кромѣ того, были еще учреждены: коммисія по дѣламъ военнымъ, состоявшая изъ предсѣда-

ловинѣ XVIII вѣка, и чтобы болѣе выяснить, что̀ принадлежитъ Екатеринѣ II.

Мы дошли уже до ея царствованія, продолжительность котораго—34 года—дала возможность монархинѣ создать, такъ сказать, и вызвать къ дѣятельности средній классъ народа. Тогда начиналась благодѣтельная реакція въ пользу прогреса, уже не воображаемаго, существующаго не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ, и оставляющаго въ результатѣ благосостояніе страны, даже при болѣе неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ наше отечество находилось въ эпоху вступленія на престолъ супруги Петра III.

Разскажемъ, словами самой Екатерины, положеніе государства за первыя пять лѣтъ всюду проникавшаго, какъ и при Петрѣ I, ея управленія. Первое, что нашла она, это—запутанность финансовъ; армія, дѣйствовавшая въ Пруссіи, не получала жалованья за $^2/_3$ года; на 17 милл. рублей состояло по статс-конторѣ невыданныхъ по указамъ денегъ; векселя почти не обращались; торговля находилась въ монополіи нѣсколькихъ капиталистовъ; денегъ во

теля Салтыкова съ членами: княземъ Мещерскимъ и Языковымъ, и 25 особыхъ, ввѣренныхъ отдѣльнымъ лицамъ, коммисій спеціальныхъ: по сибирскому приказу, ревизіон-,камер-,комерцъ,-берг,-и мануфактур-коллегіямъ, конторамъ и канцеляріямъ.

внутреннемъ обращеніи было 60 милл. рублей, двѣнадцати разныхъ вѣсовъ (серебро отъ 82—63 пробы, мѣдь 40—32 руб. въ пудѣ). Не существовало заграничнаго кредита, внутри между тѣмъ являлось иногда непослушаніе власти со стороны крестьянъ монастырскихъ и заводскихъ, къ которымъ стали было присоединяться и помѣщичьи.

Прибавимъ къ этому, что сенатскіе указы исполнялись до того слабо, что посылка третьяго указа вошла даже въ пословицу. Воеводамъ и канцеляріямъ при нихъ—не производилось жалованья, а отъ того уничтожить взятки, о чемъ неоднократно посылались строгіе указы, было дѣломъ неисполнимымъ на практикѣ, такъ какъ приказнымъ разрѣшено было *кормиться отъ дѣлъ*. Еще любопытный фактъ, въ существованіи котораго могли бы мы усомниться, если бы не передавала его сама Екатерина II. Когда потребовала она въ сенатѣ реестръ городовъ, ей принуждены были признаться, что такихъ реестровъ не существовало, и, дѣлая распоряженія свои, сенатъ не руководствовался даже картою Россіи, за неимѣніемъ ея. «Я,» говоритъ по этому случаю императрица, «бывъ въ сенатѣ, послала пять рублей въ академію наукъ, и купленный тамъ Кириловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату.» Въ другой разъ, по возвращеніи съ коронаціи, присутствуя въ

сенатѣ, и слыша, что для произведенія ревизіи полагали ассигновать до 800 тыс. руб., потому только, что такъ всегда дѣлалось, Екатерина II предложила, въ видѣ своего мнѣнія, чтобы публиковано было о высылкѣ изъ каждаго селенія въ воеводскую канцелярію свѣдѣній о числѣ душъ, и чтобы воеводскія канцеляріи пересылали ихъ отъ себя въ губерніи, а оттуда доставлялись сказки въ сенатъ—такъ что прежняя посылка войскъ, возникновеніе слѣдственныхъ дѣлъ, побѣговъ въ Польшу и все, что влекъ за собою старинный порядокъ ревизій,—совершенно устранилось. Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, все что предложено было императрицею, облекъ въ законную форму; съ тѣхъ поръ «и до днесь ревизіи такъ дѣлаются въ каждомъ уѣздѣ безъ наряда и убытка,» заключаетъ монархиня. Этотъ случай, какъ нельзя болѣе, доказываетъ свѣтлый взглядъ Екатерины II и быстроту ея соображенія, для котораго не предстояло непобѣдимыхъ трудностей; такова оказалась она и во всемъ, на что приходилось ей обращать вниманіе свое, по ходу событій. Безпокойства, напримѣръ, въ монастырскихъ имѣніяхъ заставили учредить коллегію экономіи для управленія церковными имѣніями (указъ 12 мая 1763 г.), и мы знаемъ, что въ результатѣ оказалось уничтоженіе монастырскихъ крестьянъ — мѣра передовая; при другихъ обстоятель-

вахъ могло послѣдовать вѣкомъ ранѣе и полное уничтоженіе крѣпостнаго права.

Извѣстно, что князь А. В. Вяземскій и А. И. Бибиковъ, посланные изъ Москвы для разбора жалобъ заводскихъ крестьянъ, могли успокоить волновавшійся край только тѣмъ, что самые людные заводы подъ разными предлогами, поступили въ казенное управленіе. При этомъ самымъ наглядпымъ образомъ открылся вредъ отъ раздачи сенатомъ заводовъ въ частное управленіе. Изслѣдованія Вяземскаго и Бибикова раскрыли еще одну горькую истину—безпорядки у инородцевъ, вслѣдствіе лихоимства чиновниковъ казанской канцеляріи. Злоупотребленія чиновнаго класса въ отдаленныхъ краяхъ доходили до того, что въ Сибири, нѣкто Контяжевъ, «не давалъ безъ мзды жалованья нижнимъ чинамъ», а на бывшаго передъ тѣмъ въ Симбирскѣ воеводою князя Назарова дворянство выражало неудовольствіе за то, что онъ, лично, самъ «старался заводить между дворянствомъ ссоры», для пользованія взятками, а «по воровскимъ дѣламъ (дѣлалъ) разныя прометки и разоренія до самой крайности съ мучительствомъ.» Въ это же время московскій генералъ-губернаторъ графъ Салтыковъ доносилъ о буйствѣ и грабительствѣ президента орловскаго магистрата Дубровина, который имѣлъ цѣлую шайку грабителей, и съ помощью внушаемаго ею стра-

ха оставался въ должности послѣ своего отрѣшенія отъ нея, продолжая разорять частныя фабрики, и даже угрожая самому воеводѣ, такъ что для взятія его требовалась посылка кирасирскаго полка. Безсиліе власти административной въ городахъ естественно не могло ослабить произвола помѣщиковъ въ селеніяхъ, а это была первая причина волненій на востокѣ Россіи и побѣговъ въ Польшу въ западной полосѣ. Замѣчательно по этому дѣлу мнѣніе, поданное П. И. Панинымъ. Онъ прямо указываетъ на злоупотребленіе властей:—духовной—относительно раскольниковъ, помѣщичьей—въ отношеніи крестьянъ своихъ и чужихъ, и административной въ разныхъ видахъ самоуправства вообще.

Скажемъ еще разъ, что донесенія Вяземскаго и Бибикова и мнѣніе Панина наводили, такъ сказать, императрицу на мысль, занимавшую ее долго, и обсужденную съ разныхъ точекъ. Путешествіе же по Россіи разомъ открыло ей много такихъ сторонъ, о которыхъ ей даже никто не намекалъ. Восторгъ народа, въ первый разъ увидѣвшаго въ лицо государыню, былъ такъ великъ, что казалось представлялъ надежную опору въ могущемъ послѣдовать переворотѣ. Она сама писала, въ 1767 году, изъ Казани Панину: «пріемъ мнѣ отличной; если бъ дозволила, они бъ себя вмѣсто ковра постлали, а въ одномъ мѣстѣ на дорогѣ мужики свѣчи давали,

чтобъ передо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали.» Въ другомъ же письмѣ, повѣряя собственныя впечатлѣнія, выражается: «отселѣ выѣхать нельзя, столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idées же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно. Они (вѣроятно разумѣя мѣстную администрацію) извели народу безчисленнаго, котораго состояніе ило до сихъ поръ къ исчезанію, а не къ умноженію; таковожъ и съ имуществомъ онаго поступлено.»

Путешествіе утвердило, какъ нельзя болѣе, императрицу въ ея благихъ предначертаніяхъ, на первый разъ, объ улучшеніи законовъ, чѣмъ занималась она, какъ сама выразилась, уже два года, «слѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобъ довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно.» Когда трудъ уже значительно подвинулся, Екатерина II стала по частямъ читать свой «наказъ» довѣреннымъ лицамъ; между прочимъ—Орлову и Панину. На перваго премудрый «наказъ» не произвелъ никакого впечатлѣнія; второй выразился категорически: «ce sont des axiomes à renverser des murailles» Кого разумѣлъ онъ подъ словомъ *стѣны*, мы сейчасъ увидимъ. Говоря вообще, немного было людей и изъ приближенныхъ къ престолу, способ-

ныхъ войти въ виды законодательницы. Одно изъ самыхъ свѣтлыхъ положеній ея—безполезность пытокъ, почему-то встрѣчено было особеннымъ противодѣйствіемъ, такъ что нашлись люди, доказывавшіе, конечно наивно-младенческими доводами надобность ихъ, хотя *въ необходимыхъ случаяхъ*. Одинъ изъ такихъ случаевъ привелъ нѣкто Баскаковъ, слушая «наказъ».—«Разбойникъ, погубивъ хозяевъ дома, вынесъ такую вещь, которую ему одному вынести никакъ было нельзя, и между тѣмъ говоритъ, что товарищей у него не было». Какъ обойтись тутъ безъ пытки? Замѣчаніе государыни: «казусъ не казусъ, гдѣ человѣчество страждетъ», осталось имъ вѣроятно непонятнымъ. Это-то и были *стѣны*, которыя однако, по мнѣнію Панина, могли быть пробиты свѣтлыми идеями Екатерины. Такая личность, какъ Баскаковъ, впрочемъ не должна насъ удивлять, когда припомнимъ что̀ писалъ самый либеральный, передовой человѣкъ—драматургъ А. П. Сумароковъ, котораго мнѣніе о наказѣ своемъ желала слышать Екатерина II.

Мы говорили уже, что Екатерина крѣпко подумывала объ освобожденіи крестьянъ, и вотъ, ища поддержки собственному мнѣнію, она обратилась къ Сумарокову, конечно расчитывая услышать отъ поэта всего скорѣе человѣчное рѣшеніе, особенно когда имъ же высказано было, что «вольность и ко-

роиѣ, и народу больше приносить пользы, чѣмъ неволя». Но и Сумароковъ, не смотря на горячую любовь къ родинѣ и соболѣзнованіе о ненормальности на каждомъ шагу отношеній между классами общества, все же написалъ: «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, а будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безповинующихся имъ крестьянъ, *и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ*, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки, непрестанная будетъ въ государствѣ *междоусобная брань* (*), и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (и бывали зарѣзаны отчасти отъ своихъ—возразила Екатерина) вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища, ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ. Примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ ни-

(*) Осторожный Болтинъ, выразился хотя не въ пользу освобожденія крестьянъ, но ужасовъ не представлялъ, находя «выполненіе этого требующимъ» только «по обширности и положенію Россійской имперіи еще гораздо болѣе мудрыхъ и благовременныхъ мѣръ, прилежнаго разсмотрѣнія, опаснаго вниманія и разсужденія».

какихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ.» На это Екатерина ничего другаго конечно не могла замѣтить, какъ сказавъ слова, заключающія въ себѣ пророческій смыслъ «и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи.» Горькая будущность отчизны не смутила поэта, и онъ еще прибавилъ нѣсколько любопытныхъ, для насъ особенно, взглядовъ. Между прочимъ, тутъ написалъ онъ: «продавать людей, какъ скотину, не должно, но *гдѣ же брать, когда крестьяне будутъ вольны?* И только будутъ къ опустошенію деревень: холопей набери, а какъ скоро чему нибудь его научишь, такъ онъ и отойдетъ къ знатному господину, ибо тамъ ему больше жалованья, и дворяне учатъ людей своихъ брить, волосы убирать, кушанье варить и проч. И такъ всякъ будетъ тратить деньги на другихъ, выучивая. Малороссійской подлой народъ отъ сей воли почти несносенъ.» Такая уже черезъ чуръ наивная выходка вызвала замѣтку Екатерины, что Сумароковъ хорошій поэтъ, но «связи довольной въ мысляхъ не имѣетъ, чтобы критиковать цѣпь, и для того привязывается къ наружности кольцовъ», ее составляющихъ. Объясняя далѣе возможность устраненія кажущихся затрудненій, прозорливая государыня намекнула и на то, что достиженіе надлежащихъ результатовъ зависитъ также частію отъ законодательства, задача котораго, какъ и тѣхъ, для кого законы пишут-

ся, будетъ такъ поставить дѣло, чтобы прямая истина—«сама себѣ вреда не нанесла,» и не отъ добра отвращеніе, а къ нему «привлеченіе сдѣлала». Эту то задачу давно предложила себѣ Екатерина, принимаясь за свой «наказъ», и конечно лучше всѣхъ сознавала возможность и невозможность привести въ исполненіе то или другое. Не потеряемъ изъ вида и того, что судить о трудѣ Екатерины мы не можемъ вполнѣ безпристрастно, потому что онъ напечатанъ далеко не въ такомъ видѣ, въ которомъ вышелъ изъ-подъ пера ея. Сама монархиня признается, что передъ торжественнымъ открытіемъ собранія депутатовъ, она собрала въ Коломенскомъ дворцѣ «разныхъ персонъ вельми разномыслящихъ», дабы выслушать заготовленный наказъ коммисіи уложенія. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія.» Начертательница дала волю «чернить и вымарывать все, что хотѣли,» такъ что «болѣе половины изъ того, что писано было ею, помарали.» Зная сердце и умъ Екатерины II, мы можемъ сожалѣть объ этихъ помаркахъ и даже соболѣзновать, что законодательница не отстаивала своего мнѣнія, въ чемъ также руководилась высокимъ побужденіемъ: не дѣлать въ законодательствѣ рѣзкихъ перемѣнъ и не отмѣнять уже разъ объявленнаго; а все вести исподоволь. Мы видѣли уже, что не по своей волѣ государыня не уничтожила

нытокъ, а крѣпостное право оставила просто по непмѣнію поддержки ни въ одномъ голосѣ общественнаго мнѣнія, имѣя противъ себя все сколько либо развитое, цѣлое населеніе (въ главѣ котораго должны мы поставить и Сумарокова). Между тѣмъ дальнозоркость Екатерины уже угадывала грустную развязку реакціи въ лицѣ Пугачева, почерпнувшаго всю силу для своего противодѣйствія, какъ и Разинъ въ XVII вѣкѣ, — въ крестьянствѣ нѣмѣщичьемъ, которому обѣщалъ освобожденіе.

Обѣ приведенныя нами и въ нашихъ глазахъ основныя идеи прогреснвнаго законодательства такимъ образомъ оказались ранними; но за то сколько дѣйствительно прекраснаго и человѣчнаго, за исключеніемъ ихъ, нашло благопріятный выходъ, и принесло плоды, воспитавъ поколѣніе, лучшее, чѣмъ предшествовавшія. Законодательство Екатерины, высказавшейся въ своемъ «наказѣ,» создало школы и городское состояніе, какъ противодѣйствіе крѣпостничеству, которое осталось несломленнымъ. Въ видахъ обзора возникновенія этихъ несомнѣнныхъ признаковъ здоровыхъ началъ общественнаго строя, займемся эпизодомъ созванія депутатовъ, обзоромъ предъявленныхъ ими мѣстныхъ требованій, видовъ Екатерины въ наказѣ и слѣдствій депутатскаго собранія—спеціальныхъ учрежденій.

Почти въ расплохъ, т. е. когда никто не былъ

приготовлен къ принятію и обдуманію предстоявшихъ мѣръ, заставъ всѣхъ манифестъ 14 декабря 1766 года. Манифестомъ этимъ повелѣвалось «прислать» изъ сената, синода, коллегій, канцелярій; уѣздовъ и городовъ имперіи «въ Москву депутатовъ, не только для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены они быть имѣютъ въ коммисію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проекта новаго уложенія.» При манифестѣ приложено было положеніе о депутатахъ,—«откуда прислать» ихъ. Здѣсь говорилось, что высылаютъ по одному депутату, имѣющему не менѣе 25 лѣтъ отъ роду: высшія правительственныя мѣста и канцеляріи, дворяне отъ уѣздовъ, горожане отъ каждаго города, однодворцы, служилые люди, государственные черносошные и ясачные крестьяне и осѣдлые инородцы—отъ каждой провинціи, сословія и народа; казаки же отъ командъ. Депутаты, кромѣ жалованья по состояніямъ (*), пользовались освобожденіемъ отъ тѣлеснаго наказанія, пытокъ и смертной казни, а имѣнія ихъ, кромѣ долговъ, отъ конфискаціи; для отличія, депутаты получили особый знакъ. Выборъ депутата изъ дворянъ положенъ

(*) Дворяне по 400 р. въ годъ, горожане по 128 р прочіе по 37 р., а потомъ, съ сентябрской трети 1767 г.—по 50 руб. въ годъ.

балотированіемъ на съѣздѣ помѣщиковъ цѣлаго уѣзда, по предварительномъ выборѣ, большинствомъ же голосовъ, уѣзднаго предводителя дворянства. Предводитель снабжался отъ дворянства письменнымъ, формальнымъ, полномочіемъ, и по принятіи присяги всѣми участвовавшими въ собраніи, оно выбирало депутата для сочиненія проекта новаго уложенія. По выборѣ, и онъ снабжался полномочіемъ, въ томъ между прочимъ, чтобы «ему общія челобитья и представленія, также усмотрѣнные – общіе недостатки и нужды представить гдѣ надлежитъ». Въ «нужды» эти постановлено однако «не вносить никакихъ партикулярныхъ дѣлъ, а только общественныя отягощенія и нужды, въ чемъ бы оныя ни состояли». Полномочіе это могло быть дано только на 2 года, а по истеченіи ихъ, если желали оставить то же лицо, слѣдовало возобновить его. Та же форма выбора оставлена и для прочихъ сословій.

Высказанное нами выше мнѣніе, что къ выборамъ не были приготовлены, мы основали на явленіяхъ, повторявшихся въ Малороссіи, управляемой въ то время знаменитымъ Румянцевымъ; замѣтимъ, что здѣсь между тѣмъ выборы войсковые издавна были знакомы, и не составляли, стало быть, новизны. Если въ этой странѣ не имѣлъ дѣйствія циркуляръ начальника края при манифестѣ, и на

призывъ въ резиденцію генерал-губернатора слышались стереотипные отзывы, «зачѣмъ бы намъ тамъ и быть?»—можно представить себѣ, какой переполохъ былъ въ среднихъ губерніяхъ, гдѣ едва ли скоро и объяснилось, что именно требуется. Принятыя впрочемъ обязательныя мѣры для явки сословій привели къ цѣли—выборамъ депутатовъ и пріѣзду ихъ, къ іюлю мѣсяцу 1767 года, въ Москву, гдѣ послѣдовало торжественное открытіе засѣданій коммисіи уложенія. По совершеніи путешествія по Волгѣ до Казани, пріѣхала въ Москву и Екатерина II. Облеченная въ императорскія регаліи, слушала она, 30 іюля 1767 года (въ понедѣльникъ), литургію въ Успенскомъ соборѣ. Туда же, по вступленіи въ храмъ императрицы введены были и депутаты по два въ рядъ, въ предшествіи генерал-прокурора князя А. В. Вяземскаго, державшаго въ рукѣ маршальскій жезлъ. Послѣ литургіи былъ молебенъ, въ заключеніе котораго Гавріилъ, епископъ тверской, обратилъ къ депутатамъ слово о предстоящихъ обязанностяхъ и святости ихъ призванія. Напутствованные теплымъ словомъ витіи, депутаты «цѣловали крестъ и евангеліе, и подписывались подъ присягою.» Тѣмъ временемъ императрица изъ собора прибыла въ аудіенцкамеру кремлевскаго дворца, куда, по окончаніи присяги генерал-прокуроръ, приведя депута-

товъ, разставилъ ихъ по порядку, назначенному положеніемъ. Здѣсь, отъ лица всего собранія, депутатъ отъ синода, Димитрій (Сѣченовъ) митрополитъ Новгородскій говорилъ императрицѣ привѣтствіе, на которое отвѣчалъ, именемъ государыни, вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ. «По семъ», гласитъ современное описаніе, «Ея Императорское Величество соизволила вручить генерал-прокурору обрядъ о управленіи коммисіею, о сочиненіи проекта новаго уложенія, наказъ генерал-прокурорской и большой наказъ коммисіи о томъ же, а напослѣдокъ всѣхъ депутатовъ, коихъ слишкомъ 400 (*) человѣкъ было, соизволила Ея Величество допустить къ рукѣ, потомъ возвратиться въ Головинскій дворецъ, куда, по прибытіи, изволила приходить во внутренніе свои апартаменты, гдѣ какъ обѣденное, такъ и вечернее кушанье кушать соизволила». На слѣдующій день (31 іюля) происходило первое засѣданіе коммисіи, и на немъ выбраны три кандидата (графъ П. Г. Орловъ, графъ З. Г. Чернышевъ и А. И. Бибиковъ)—на должность маршала собранія депутатовъ. Императрица на представленіи о томъ 2 августа надписала: «утверждаю предводителемъ депутата Александра Бибикова», котораго, по всей вѣроятности, имѣла въ виду раньше, такъ какъ

(*) 450; 122 не явились ко дню присяги.

поручала ему составлять обрядъ управленія коммисіею и наказы генерал-прокурору и маршалу. Зная предшествовавшую дѣятельность Бибикова нельзя не сказать, что выборъ его былъ дѣйствительно удачный; именно такой человѣкъ и могъ быть руководителемъ столькихъ разнородныхъ интересовъ, и способенъ былъ вести дѣло, не давая ему застаиваться. Въ рѣчи, произнесенной при вручеиіи ему жезла, Бибиковъ съ одной стороны ясно показалъ, на сколько вошелъ онъ въ виды монархіи, и относительно обязанностей депутатовъ выразилъ, что онъ не сомнѣвается, чтобы они къ своему долгу «не были ревнительны, когда собственное наше и потомковъ нашихъ благо къ тому насъ влекутъ.» Бибиковъ и генерал-прокуроръ Вяземскій—были первыми лицами, безъ которыхъ не было собраній, даже частныхъ. Графу А. П. Шувалову поручено веденіе дневныхъ журналовъ; примемъ, въ качествѣ письмоводителя, состоялъ М. Л. Кутузовъ, впослѣдствіи князь Смоленскій.

Началось чтеніе наказа. Пораженные духомъ законодательства Екатерины, депутаты единогласно рѣшили (9 августа) поднести законодательницѣ титулъ *Великой*, *Премудрой и Матери Отечества* и для того испросили торжественную аудіенцію (12 августа).

Это было воскресенье. Послѣ обѣдни, окружен-

ная блестящимъ дворомъ своимъ, въ малой коронѣ и императорской мантіи, Екатерина, предшествуемая маршалами съ жезлами, и послѣдуемая наслѣдникомъ, пришла въ аудіенц-камеру, гдѣ уже ждали ее депутаты, «стоящіе поправительствамъ». Лишь только сѣла на тронъ монархиня, какъ маршалъ Бибиковъ началъ свою рѣчь, обращеніемъ: «Всемилостивѣйшая государыня!» но тутъ же смѣшался—такъ величественна была въ эту минуту Екатерина II, всегда милостивая къ нему и ко всѣмъ. Впрочемъ, вычисляя благодѣтельныя постановленія и заботливость объ общемъ благѣ вѣнценосной составительницы «наказа», маршалъ поправился; заключеніе рѣчи составляло общую просьбу: «Благоволи Великая государыня! Да украшаемся мы предъ свѣтомъ симъ, намъ славнымъ титломъ, что обладаетъ нами Екатерина Великая, Премудрая мать. Отечества Соизволи, всемилостивѣйшая государыня, принять сіе титло, какъ приношеніе всѣхъ вѣрныхъ твоихъ подданныхъ, и пріемля оное возвеличь наше названіе; свѣтъ намъ послѣдуетъ: наречетъ тебя матерію народовъ.» Въ отвѣтъ говорилъ въ офиціальномъ тонѣ вице-канцлеръ, къ рѣчи котораго сама Екатерина прибавила: «о званіяхъ же, кои вы желаете, чтобъ я приняла отвѣтвую: Великая—о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ безпристрастно судить: *Премудрая*—ни-

какъ себя назвать не могу, ибо одинъ Богъ Премудръ; *Матерь Отечества*—любить Богомъ врученныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю и быть любимою отъ нихъ есть все мое желаніе.»

Впрочемъ, восхваленія достоинствъ императрицы не были остановлены ея знаменательною рѣчью, и присутствуя не разъ невидимою зрительницею занятій коммиссіи она, при возобновленіи похвалъ, выражала неудовольствіе въ присылаемыхъ на клочкахъ бумаги письмахъ къ Бибикову въ такомъ родѣ: «я имъ велѣла дѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ.» Иногда излишнее усердіе Бибикова къ понужденію государственныхъ представителей вызывало замѣчаніе: «Бога-для не спѣшите, оставить дѣло на столѣ и взять время, ибо скажутъ, что вы ихъ приневоливаете.» Между тѣмъ, не желая оставлять въ невѣдѣніи публику о дѣятельности коммиссіи, Екатерина желала печатать время отъ времени въ газетахъ извѣстія о томъ и для руководства составителю ежедневныхъ записокъ присылала англійскіе журналы. Замѣтивъ, что, при горячихъ преніяхъ, проходитъ время въ толкахъ объ одномъ и томъ же, отъ 13 іюля 1768 г. прислала девять параграфовъ правилъ о порядкѣ оппозиціи и защищенія проектовъ узаконенія. Это было дѣйствительно необходимо,

какъ по многообразію интересовъ общихъ, такъ еще болѣе частныхъ, при разсмотрѣніи частныхъ требованій особыхъ народностей, напр. депутатовъ лифляндскихъ и малороссійскихъ, изъкоторыхъ каждые, дѣйствуя въ духѣ данныхъ имъ наказовъ, настаивали на сохраненіи своихъ старинныхъ привилегій, которыя должны были, въ видахъ централизаціи, уступить общимъ интересамъ государственнымъ, что́ не теряла изъ вида законодательница. Замѣтимъ при этомъ кстати, что интересы страны видимо иногда расходились съ интересами административныхъ органовъ того мѣста. Стоитъ указать на сохранившуюся инструкцію, данную изъ малороссійской коллегіи депутату Наталину, и опроверженіе ея отъ депутата Полетики (*). Такая разность во

(*) Коллегія, напримѣръ, ссылалась на то,что «отъ разнообразныхъ правленій и смѣшенія военныхъ, гражданскихъ и земскихъ дѣлъ происходитъ вездѣ затрудненіе и часто нерѣшимости», что «въ правахъ употребляютъ для всего земства статутъ великаго князя Литовскаго, а для городовъ привилегированныхъ права магдебургскія, притомъ и другіе законы; нерѣдко и россійское соборное уложеніе; часто же судьи вершатъ дѣла по своему разсмотрѣнію и изобрѣтенію, а ябедники, пользуясь неясными въ статутѣ выраженіями и употребленіемъ разныхъ правъ, кривыми толками наводятъ право одно на другое и цитируютъ законы въ такихъ даже случаяхъ, на которые въ статутѣ суть точныя положенія.» — Потому, предлагая раздѣлить коллегію на 4: генерал-губер-

взглядахъ, по нашему мнѣнію, могла родиться, при равномъ стремленіи съ обѣихъ сторонъ къ улучшенію быта и возвышенію благоденствія страны,—отъ различія взглядовъ: административно-бумажнаго коллегіи и практическаго—Полетики; помирить ихъ не было возможности, не смотря на то, что въ каждомъ была своя доля правды и, стало быть, нейтральная почва, на которой могли сойтись они. Тоже, только съ большимъ непониманіемъ истинныхъ общихъ, выгодъ, заключали въ себѣ и другіе наказы депутатамъ,

---

ментъ, коммисаріатъ, камер-контору и надворный судъ, завести 5 провинціальныхъ и 10 земскихъ судовъ; постановленія же составить новыя. Полетика, опровергая эти положенія, утверждаетъ, что разногласицы въ законахъ не существуетъ и быть ея не можетъ; что литовскій статутъ, которымъ изстари судилось казачество, есть тѣ права, которыя обязалась Россія, по договору съ Хмѣльницкимъ, «сохранять а за тѣмъ новыя постановленія будутъ противны правамъ и вольностямъ. Судебныхъ и административныхъ мѣстъ учреждать вновь нечего, такъ какъ судная власть должна быть въ рукахъ генеральныхъ старшинъ, а камеральное и экономическое управленіе вѣдомству войсковыхъ подскарбіевъ, межевыя дѣла—подчинены подкоморымъ, а сходнѣе учредить *трибуналъ* изъ повѣтовыхъ депутатовъ. По вопросуо государственныхъ доходахъ, которые коллегія полагала расположить съ земель, а до межеванья съ душъ, Полетика доказывалъ, что сборъ на жалованье войску получилъ неправильное обращеніе въ распоряженіе гетмана, а введенный сб ръ денежный съ 1749 года на порціи и раціи 6 драгунскимъ полкамъ, при П. А. Румянцо-

*

развѣтвлявшіеся въ тонкости, и частные вопросы, привести которые къ общему знаменателю нельзя было иначе, какъ съ уступками и требователей и законодательства, что̀ послѣднее охотно принимало, но первые не допускали. Этимъ, на первыхъ же порахъ, усложнилась задача коммисіи, и едва ли

вѣ, замѣнился отяготительнымъ впосомъ по рублю съ хаты, вдвое и втрое превышаетъ сумму 95 тысячъ рублей, что прежде собиралось на означенную надобность войскъ. Введеніе подушнаго сбора, по толкованію Полетики, принято будетъ въ Малороссіи, хотя бы мѣра была и временная, какъ «записаннымъ быть въ крѣпости, по примѣру великороссійскихъ крестьянъ, и для малороссійскаго народа и одно сіе воображеніе ужасно и несчастно». Уже отъ введенія румянцовскаго налога послѣдовалъ такой страхъ и уныніе, что народъ «чрезвычайно началъ бѣжать въ Польшу и въ татарскую землю»; потому предлагалъ усердный депутатъ сборъ рублевый оставить совсѣмъ, и обложить до обмеженія — легчайшимъ Предложенному коллегіею, въ видахъ остановить распространеніе пьянства, ограниченію правъ куренія вина, что предоставлено граматой 1721 г. всѣмъ казакамъ, Полетика раціонально противупоставилъ примѣръ, что пьянство распространяется напротивъ тамъ, гдѣ ограничена продажа напитковъ, а уничтожается пьянства «просвѣщеніемъ и вольностію народовъ, съ которыми приходитъ и благоправіе». Для воспитанія народа коллегія отдѣляла между тѣмъ 4 монастыря, по 2 на каждый полъ. Полетика же, прежде всего указывая на необходимость улучшенія школъ существовавшихъ, относилъ расширеніе средствъ къ просвѣщенію прямо къ заботливости о немъ самой императрицы

не эта причина была самою главною помѣхою къ совершенію возложеннаго на депутатовъ труда; для нѣкоторыхъ изъ нихъ не по силамъ. Посмотримъ, каковы, въ самомъ дѣлѣ, были возникшіе вопросы, начиная съ административныхъ мѣстъ до сословія земледѣльцевъ.

Депутаты правительственныхъ мѣстъ вошли съ требованіями, на столько же несвободными отъ мелочей, какъ и сословія. Представляя, напримѣръ, о разрѣшеніи покупки крѣпостныхъ людей священникамъ и прочимъ церковнымъ причетникамъ, въ то же время поднимали вопросы объ учрежденіи монашескихъ недвижимыхъ имѣній коронными и объ установленіи къ пропитанію монаховъ доходовъ, о вступленіи всякимъ чинамъ въдуховные и изъ духовныхъ въ свѣтскіе и объ освобожденіи священниковъ отъ неприличныхъ работъ. Заботясь «объ установленіи закона *къ приведенію* разнаго званія народа *въ содружество*», считали нужнымъ ввести постановленія «о нестрѣляніи изъ ружей и другихъ машинъ внутри жильевъ и, о *неношеніи никакого оружія подлому народу* при себѣ»; также «о учрежденіи закона, какъ поступать въ случаѣ того, *когда отъ побой помьщиковъ* случится людямъ смерть?» Считая нужнымъ «ревизію и отличеніе гражданъ *добродѣтельныхъ*», разрѣшали вопросъ «объ отдачѣ должниковъ за долги

для зарабатыванія партикулярнымъ людямъ, *въ случаѣ непріемки для отсылки въ каторгу.*

Дворянство, представляя о назначеніи жалованья ученымъ священникамъ, продажѣ церковныхъ земель и обученіи причетниками грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, учрежденіи по городамъ дворянскихъ школъ, банковъ, хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, аптекъ и лекарей, цеховъ и фабрикъ,—ходатайствовало «о произведеніи по прежнему пытокъ ворамъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ, «постановленіи строжайшаго закона къ удержанію крѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ» и о битіи у помѣщиковъ въ послушаніи женамъ отданныхъ въ рекруты, равно «запрещеніи» не дворянамъ «имѣть хутора, хлѣбопашество и мельницы.» Требовали даже запрещенія «на выгонныхъ городовыхъ земляхъ сѣять хлѣбъ» и «объ умноженіи суммы оныхъ, кои пожелаютъ быть въ купечествѣ.» Съ своей стороны горожане, принимая къ сердцу горячо интересы вѣры, подавали предложенія: «о штрафѣ съ непсповѣдавшихся, о поступленіи желающихъ въ монашескій чинъ, объ отдачѣ архіерейскому дому съ монастырями отшедшихъ отъ нихъ хлѣбопашныхъ земель, о выводѣ раскольниковъ, живущихъ по городамъ «между православными, въ разсужденіи чинимаго ими въ обществѣ соблазна и неотправленіи гражданскихъ службъ, и о поселеніи

ныхъ въ особыхъ мѣстахъ». Тутъ же рядомъ, однако, стоитъ и ходатайство «о позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи раскольничьимъ попамъ, монахамъ и монахинямъ въ часовняхъ и въ церквахъ отправлять службы по старинными книгамъ»; такая непослѣдовательность можетъ объясниться разностью мѣстностей, изъ которыхъ поступили представленія.

Обращаясь отъ интересовъ духовныхъ къ своему кругозору и средѣ, горожане просили «о правѣ и преимуществѣ россійскаго купечества, о неназываніи онаго непристойными словами и дозволеніи первостатейнымъ носить шпаги, о неучиненіи военно-служащимъ людямъ никакихъ обидъ и побой купечеству и о платежѣ денегъ за забранные товары, о неучиненіи купечеству отъ крестьянства въ уѣздахъ никакихъ обидъ и за чужіе долги грабительствъ, о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присущественныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества, о покупкѣ священно и церковнослужителямъ, купечеству и разнаго званія людямъ крестьянъ и дворовыхъ людей»; и тутъ же «о запрещеніи духовному чину въ покупкѣ земель». Переходя отъ личности къ общинѣ, горожане предъявили требованія о выборѣ на всегдашнее время вообще всѣми гражданами головы. о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ

и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ, о незабираніи насильно къ суду въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ повѣстокъ, о пресѣченіи роскоши и невыписываніи въ Россію никакихъ иностранныхъ вещей, объ учрежденіи государственнаго банка, о бытіи ревизіи, какъ прежде, по дворамъ; о выключеніи вмѣстѣ съ дворянами купечества и разнаго рода людей изъ податнаго оклада и увольненіи отъ рекрутскаго набора; объ учрежденіи городского суда; о «бытіи полиціи въ городахъ ввѣдѣніи магистратовъ и ратушъ, о небытіи въ городахъ особой сыскной команды и (также) о препорученіи ея магистратамъ» Заботясь о неотдачѣ въ монополію никакихъ промысловъ и товаровъ, представляло городское сословіе «объ уменьшеніи судовъ и штрафѣ судей», также «о непринужденіи купечества къ бритью бородъ и ношенію нѣмецкаго платья» и «объ учиненіи запрещенія, чтобы никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ.»

Нельзя не сочувствовать многимъ изъ требованій, выраженныхъ горожанами, а въ особенности послѣднимъ изъ вышеприведенныхъ пунктовъ, показывающимъ на столько же человѣчное воззрѣніе, какъ и требованіе «объ учрежденіи въ городахъ академій, университетовъ, школъ и обученія въ оныхъ разнымъ языкамъ», не одного сословія ихъ, какъ

представляли отъ себя дворяне, но съ купеческими и «разночинскихъ дѣтей и сиротъ.»

Изъ обзора пунктовъ, представленныхъ однодворцами и хлѣбопашцами (*), мы выберемъ самые крупные, напримѣръ «объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о *перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей, о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда* и опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ, для скораго отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей, особливыхъ членовъ, также объ опредѣленіи для разбирательства дѣлъ между обывателями старшинъ по выбору ихъ и о небытіи ни по какимъ дѣламъ, кромѣ подушнаго оклада вѣдомымъ въ присутственныхъ мѣстахъ.»

Нежеланіе имѣть дѣло съ присутственными мѣстами, введеніе въ нихъ депутатовъ отъ сословій и съ особенною заботливостью придумываемыя мѣры къ поправленію дѣла правосудія, лучше словъ доказывали необходимость пересоздать приказное сословіе и всю систему воеводскаго управленія. Ярославскій депутатъ князь М. Щербатовъ, въ мнѣніи о спо-

---

(*) Всѣ пункты и интереснѣйшія подробности о коммиссіи уложенія заимствовали мы изъ статьи С. С. Соловьева «1767 годъ», напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ т. XXXV стр 303—340, какъ единственнаго источника, послѣ Полнаго Собранія Законовъ, Наказа и сочиненій Екатерины II.

собѣ прекратить взяточничество, предложилъ напримѣръ придавать въ товарищи воеводѣ, выбранныхъ уѣзднымъ дворянствомъ, двухъ или трехъ депутатовъ, имѣвшихъ бы участіе, особенно по земскимъ дѣламъ. Мы можемъ съ основательностію заключить, что предложеніе Щербатова имѣло вліяніе на проектъ губернскихъ учрежденій, публикованныхъ ранѣе другихъ спеціальныхъ учрежденій Екатерины, и прежде другихъ вошедшихъ въ законную силу. Обратимся къ ходу образованія изъ общей коммисіи уложенія частныхъ спеціальныхъ коммисій.

При самомъ открытіи общихъ засѣданій, громадность представленныхъ депутатами матеріаловъ потребовала учрежденія особой коммисіи «о разборѣ наказовъ и проектовъ», которая и учреждена наканунѣ поднесенія императрицѣ титловъ (11 августа 767 года). Настоятельность въ руководствѣ и распредѣленіи предметовъ для обсужденія, высказалась въ учрежденіи коммисіи дирекціонной (20 августа) и экспедиціонной (27 августа). Первый вопросъ, при распредѣленіи дѣлъ, потребовалъ разъясненія сословныхъ преимуществъ, что возложено на коммисію «о разборѣ родовъ государственоныхъ жителей», учрежд. 11 сентября. Поднятіе вопроса объ улучшеніи органовъ суда и расправы опредѣляется заведеніемъ отдѣльной коммисіи «о юстиціи» (24 сентября). Разборъ правъ по пре-

муществу потребовалъ особой коммисіи «о имѣніяхъ вообще» (учр. 19 октября) а за нею еще коммисіи «о среднемъ родѣ людей» (18 октября), подъ чѣмъ разумѣлись городскія сословія и разночинцы.

Дворъ между тѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и сюда же переведена коммисія объ уложеніи, открытая въ новой столицѣ, тоже торжественно, 3 февраля 1768 года. Общіе вопросы породили болѣе ближайшія дѣленія, начавшіяся съ образованія коммисіи «о полиціи» (учрежд. 20 марта 1768 г.), за нею слѣдовала непосредственно «коммисія о городахъ» (учрежд. 10 апрѣля). Спохватились, что различные взгляды на общіе интересы по сословіямъ могутъ не устранять прежде замѣченныхъ уже противорѣчій, и для изслѣдованія этого создалась новая коммисія «для остереженія противорѣчій между воинскими и гражданскими законами» (учрежд. 29 апр.) Система вызыванія поощреніями силъ народныхъ, забытыхъ при прежнемъ управленіи, имѣла вліяніе на формировку особой коммисіи «о размноженіи народа, земледѣлія, домостроительства и проч.» (учрежд. 13 мая), а вмѣстѣ съ нею для выясненія и улучшенія финансовыхъ теорій, состоялась коммисія «о образѣ сборовъ и расходовъ» (въ тотъ же день). Составленіе спеціальныхъ уставоположеній, требовавшихъ

людей, знакомыхъ съ теоріею и практикою горнаго, лѣснаго дѣла, торговли и проч. поручено коммисіи «о рудокопаніи, растеніи и сбереженіи лѣсовъ и о торговлѣ вообще» (учр. 21 мая). Спорный вопросъ объ общественномъ призрѣніи и образованіи породилъ вдругъ (27 мая) двѣ коммисіи: «духовно-гражданскую» и «о училищахъ и призрѣнія требующихъ». Улучшеніе внутреннихъ сношеній, вопросъ о которыхъ начиналъ занимать всѣ состоянія, породилъ коммисію «о почтахъ и гостиницахъ» (учр. 3 іюня). Обсужденіе же частныхъ вопросовъ о требуемыхъ льготахъ и правахъ, соблюденіи и нарушеніи условій, возложено на коммисію «о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ» (учр. 5 іюня) и «обязательствахъ» (13 іюня). Наконецъ возникла (22 сентября 1768 г.) послѣдняя, 19-я комиссія «о общемъ правѣ».

Мы видѣли требованія и породившіе ихъ частные кружки; обозримъ для полноты самый «Наказъ» Екатерины, изъ котораго видно будетъ, какъ высоко стояла она въ идеяхъ о потребности общаго благосостоянія. Отдѣливъ въ Наказѣ постановленія, составляющія, такъ сказать, рамки, скелетъ государственнаго тѣла, мы получимъ изъ всего остальнаго полную картину, какъ глядѣла монархиня на подданныхъ, видя въ нихъ людей.

Законы признаетъ она равными для всѣхъ и сво-

боду опредѣляетъ фразою «право все то дѣлать, что законы дозволяютъ».... а не дозволяютъ они только *вреднаго* «или каждому особенному или всему обществу», потому подъ хорошими законами разумѣетъ только такіе, которые въ поддаппомъ пропзводятъ увѣренность «что онъ ради собственныя своея пользы, стараться долженъ сохранить (ихъ) нерушимыми». Опредѣляя, что «законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію», Екатерина признаетъ, что и для лучшихъ законовъ слѣдуетъ приготовить умы; только не слѣдуетъ это приготовленіе ставить въ отговорку. Раздѣляя законъ отъ обычая, она не совѣтуетъ обычаи отмѣнять законами, а исправлять ими только вредъ, отъ законовъ же происходящій. Перемѣнѣ же обычаевъ оставить все вошедшее въ обычаи, а измѣненіе ихъ зависитъ отъ успленія обоюдныхъ сообщеній между народами. «Законъ», говоритъ далѣе Екатерина II, «не происходитъ единственно отъ власти» и вещи «между добрыми и злыми средпія по своему естеству не подлежатъ законамъ». Всякое наказаніе, которое «не по необходимости налагается, есть тпранское», потому что «умѣренность управляетъ людьми а не выступленіе изъ мѣры». Преступленія раздѣляетъ она на 2 главные рода: нарушающіе безопасность жизни гражданъ, или только спокойствіе ихъ. Только въ первомъ случаѣ имѣютъ мѣсто казни, во

всѣхъ же другихъ видахъ—мѣры предохранительныя и исправительныя. Умѣренность наказаній скорѣе, по-мнѣнію ея, приводитъ, къ цѣли, чѣмъ жестокость, правда, сильно поражающая воображеніе въ началѣ, но потомъ страхъ уменьшается, такъ что приходится установлять «во всѣхъ случаяхъ другое». Убѣждая послѣдовать «природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича», Екатерина говоритъ въ наказѣ: пускай самая большая часть наказанія будетъ «безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся». Отъ суровости, говоритъ она далѣе, по уврачеваніи зла «порокъ въ общенародіи остается; умы народа испортились: они пріобыкли къ наспльству.» Уврачевать это полагаетъ она «непрерывнымъ продолженіемъ благополучія и сладкаго спокойствія»; въ заключеніе же рѣшаетъ, что «всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить». Въ главѣ IX о производствѣ суда вообще, говорится: «власть судейская—для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ;» что «отвѣтчика должно слушать не только для узнанія дѣла, но и для того еще, чтобъ онъ себя защищалъ,» «защищать» же, далѣе говорится, «значитъ не что иное, какъ представлять суду въ пользу отвѣтчика все то, чѣмъ его оправдать можно.» Кто не согласится въ глубокомъ знаніи законодательницею сердца человѣческаго, чи-

тая положенія: «употребленіе пытки противно здоровому естественному разсужденію» (123), или «дѣлати присягу чрезъ частое употребленіе весьма общею, ничто иное есть какъ разрушать силу ея (125)». «Хотите ли предупредить преступленія?—Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благодѣтельствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому особо гражданину (243); сдѣлайте, чтобъ люди боялись законовъ и никого бы кромѣ ихъ не боялись (244). Хотители предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми (245.)».

Отъ общихъ[2], краткихъ началъ законодательства, переходя къ условіямъ чисто мѣстнымъ, въ главахъ XII — XVII, законодательница касается особенностей отечественнаго быта. Остановившись на мысли о маломъ населеніи Россіи, сравнительно съ пространствомъ, Екатерина прямо относитъ вину этого къ бѣдности родителей и дурному обращенію съ дѣтьми въ крестьянствѣ, отчего умираютъ $^3/_4$ дѣтей, недостигнувъс совершеннолѣтія. Держаніе крестьянъ на оброкѣ 1—5 рублей съ души (что по времени было страшною цифрою) полагаетъ Екатерина одною изъ причинъ *уменьшенія народа и земледѣлія*. Для устраненія этого, она находитъ нужнымъ обязать владѣльцевъ въ расположеніи поборовъ дѣйствовать съ большимъ разсмотрѣніемъ. Притомъ,

какъ разительную, доиедшую до пея подробность, приводитъ она: «а нынѣ иный земледѣлецъ лѣтъ пятнадцать дома своего не видитъ, а всякій платитъ помѣщику свой оброкъ, промышляя въ отдаленныхъ отъ своего дома городахъ, и обходя по всему почти государству (271)». Грустное положеніе простолюдиновъ привело законодательницу къ двумъ вѣрнымъ выводамъ: вездѣ, гдѣ есть мѣсто, въ которыхъ могутъ жить, «тутъ люди умножаются» (274) и, «люди не для иного чего убоги, какъ только, что живутъ подъ тяжкими законами, и земли свои почитаютъ—за предлогъ къ удрученію.... сами для себя не имѣютъ пропитанія; такъ какъ имъ можно подумать отъ онаго удѣлить еще своему потомству?» (276). Тутъ же, впрочемъ, представляя при такихъ условіяхъ обратное положеніе—достатка, она рисуетъ черты невѣжества. Дознано, что, «они закапываютъ въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобъ богатство не навлекало на нихъ гоненія и притѣсненій (276)». Поставивъ положеніе (287), что «воздержаніе народное служитъ къ умноженію онаго», монархиня разсматриваетъ вопросъ о сочетаніи родителями дѣтей, и приведя тутъ же случай, выведенный изъ опыта, спрашиваетъ: что «изъ него выдетъ, если притѣсненіе и сребролюбіе дойдутъ до того, что призвоятъ

себѣ неправильнымъ обзоромъ власть отцовскую?» Отвѣтъ заключается въ мнѣніи: «надлежало бы отцовъ поощрять, чтобъ дѣтей своихъ браковъ сочетовали» (Намекъ вѣроятно на власть помѣщичью). Чрезвычайно мѣткое положеніе встрѣчаемъ мы далѣе (глава XIII, о рукодѣльѣ и торговлѣ): «не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго». Предполагая давать награды земледѣльцамъ, «поле свое въ лучшее предъ прочими приведшимъ состояніе», также «и рукодѣламъ, употребившимъ въ трудахъ своихъ раченіе превосходнѣйшее (300 и 301)» слова «не худо бы было» показываютъ, что сама законодательница не была увѣрена въ дѣйствительности однихъ этихъ средствъ. Параграфы о воспитаніи— дополненіе къ проекту Бецкаго, въ приложеніи къ частнымъ лицамъ, конечно только въ главныхъ, основныхъ чертахъ. Разсуждая о правахъ дворянства, Екатерина изрекла: «добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства» (363); естественно послѣ этого, что «добродѣтель и честь должны быть оному правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ государю, и безпрестанно внушающими не дѣлать никогда безчиннаго дѣла». Въ заключеніе приведемъ еще одно положеніе. «Родъ людей, отъ котораго государство добра много ожи-

даетъ, если твердое на добро и поощреніи къ трудолюбію основанное положеніе получитъ, есть средній», говоритъ императрица. Мы уже говорили, что этотъ то родъ или классъ, во всѣхъ государствахъ составляющій людей, по преимуществу развитыхъ, обязанъ Екатеринѣ своимъ образованіемъ. Правда, постановленіями Петра I, а въ особенности его Регламентомъ Главнаго Магистрата, опредѣлены классы городскихъ обывателей регулярныхъ (двухъ гильдій) и просто гражданъ (посадскихъ—разночинцевъ), а сообразно классамъ права и преимущества, но тѣ и другіе не болѣе, какъ въ формѣ запретительной и обязательной, тогда какъ въ жалованной граматѣ на права и выгоды городамъ (26 апрѣля 1785 года), развившіяся въ промежутокъ времени отъ Петра, городскія сословія получили каждое особыя права, соотвѣтственно значенію въ государствѣ.

Видя въ граматѣ городамъ разрѣшеніе именно вопросовъ городскихъ депутатовъ, равно какъ въ учрежденіи объ управленіи губерній,—общихъ для разныхъ состояній, приходимъ къ мысли, что коммисія уложенія, вообще донынѣ намъ мало извѣстная, была совершительницею, если не въ окончательной формѣ, данной при публикованіи, то самой сущности дѣла, всѣхъ этихъ, благодѣтельныхъ и не одному своему времени соотвѣтствующихъ, постановленій. У насъ существовали и мнѣнія о несвоевремен-

номъ собраніи депутатовъ, и отъ того, будто бы, происшедшемъ неуспѣхѣ исполненія ими задачи, по слова Екатерины самой снимаютъ этотъ упрекъ съ коммисіи. Законодательница сама признается, что коммисія объ уложеніи подала ей «свѣтъ свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно; она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ, и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы турецкая война не началась.»

Эта ли была причина или другая, во всякомъ случаѣ общее собраніе депутатовъ распущено 12 февраля 1769 года.

Распущеніе депутатовъ, непопавшихъ въ частныя коммисіи, не остановило дѣла законодательства. Въ письмѣ къ Вольтеру, отъ $^{3}/_{14}$ іюля 1769 г. между прочимъ писала императрица: «наши законы идутъ своимъ чередомъ, надъ ними трудящіеся не спѣшатъ. Правда, что они теперь не главное у насъ дѣло, но они отъ того ничего не потеряютъ. Законы сіи позволяютъ каждому свою вѣру исповѣдовать, никого не будутъ ни гнать, ни убивать, ни сожигать.»

Въ это время руководителемъ коммисіи былъ еще А. П. Бибиковъ, получившій въ сентябрѣ порученіе объѣхать Финляндію, такъ какъ обстоятельства заставляли Екатерину ожидать скорой войны съ Швеціею. Побѣды наши надъ турками, ожидавши-

*

ми, начиная войну, другихъ результатовъ, въ 1771 году давали возможность ожидать прочнаго мира. Присланная Вольтеромъ статья «о законахъ» напомнила въ это время императрицѣ наше законодательство. «Истинно, государь мой», пишетъ она фернейскому пустыннику, «изъ сказаннаго вами большая часть была бы исполнена, когда бъ султанъ не объявилъ мнѣ несправедливой войны, а въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно дѣлать одни только проекты въ видѣ отраслей, имѣющихъ впереди составить большое дерево законоположенія... Мысли наши такъ заняты сраженіями, что мы не въ состояніи къ сему великому труду приступить съ должнымъ вниманіемъ.» Въ другомъ письмѣ ($\frac{22\text{ іюля}}{2\text{ августа}}$ 1771 г.), сказавъ, что наказъ свой «принялась прочитывать,» монархиня откровенно признается, что «трудъ свой употребила не напрасно,» и заключаетъ, «признаться, сіе уложеніе, къ которому многіе матеріалы заготовляются, а другіе уже готовы, надѣлаетъ мнѣ и еще много трудовъ, пока оно приведено будетъ до той степени совершенства, въ которой я желаю его видѣть; но что до того нужды, кончить его непремѣнно надобно». Мысль эта не оставляла дѣятельную императрицу во всю жизнь ея. Сбираясь въ 1776 году въ Москву, она писала ($\frac{29\text{ дек. }1774}{9\text{ янв. }1775}$ г.): «черезъ нѣсколько дней поѣду я отсюда въ Моск-

ву, тамъ-то я примусь опять за свою трудную работу законодательства». Это, какъ извѣстно, было учрежденіе для управленія губерній. Посылая его Вольтеру въ 1777 году, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, Екатерина между прочимъ выражается: «вы усмотрите, что учрежденіе не уклоняется отъ правилъ, но отъ нихъ проистекаетъ, вскорѣ за ними послѣдуетъ уставъ о доходахъ, о комерціи, о полиціи и проч., кои насъ уже съ два года занимаютъ; послѣ сего очень легко и удобно будетъ сочиненіе уложенія»

Интересна и приписка къ этому письму: «Забыла я вамъ сказать: двухлѣтній опытъ доказалъ намъ, что постановленный моимъ учрежденіемъ порядокъ судопроизводства совершенно истребилъ ябедничество.» При такомъ выводѣ императрицы мы позволимъ себѣ замѣтить, что мнѣніе современниковъ было совсѣмъ другое, и что насмѣшливыя выходки противъ взяточничества, успѣвшаго пріютиться и подъ сѣнію учрежденій Екатерины, отнюдь не выводились. И то правда, что виноваты въ этомъ были сами сословія, которымъ предоставлены права земскихъ городскихъ выборовъ.

Противъ неудачнаго производства избранія, особенно со стороны дворянъ, направлена между прочимъ сатирическая брошюра: «Разговоръ уѣздныхъ дворянъ о выборѣ въ судьи». С. П. Б. 1790 г.

Здѣсь, Здравомыслу передаетъ Простаковъ о новостяхъ и о ходѣ выборовъ. Здравомысловъ дѣлаетъ заключенія о лицахъ по мѣрѣ произнесенія фамилій, а фамиліи, по наивной модѣ того времени, характеризуютъ моральныя и умственныя совершенства избранниковъ: Оказывается, что въ уѣздные судьи избранъ Невѣжинъ, въ предсѣдатели—Деньговъ, въ засѣдатели—Оглохловъ и Ослѣпловъ, въ капитан-исправники—Вислоуховъ, въ земскіе засѣдатели — Пьянюшкинъ, въ предводители — Трусихинъ; а всѣмъ этимъ выборомъ заправляли г. Шумиловъ и Нагловъ.

По неволѣ придешь къ заключенію, что совершенство на землѣ—утопія, даже при самыхъ лучшихъ побужденіяхъ, живомъ участіи свѣтлаго ума, неустанной дѣятельности, прозорливости и любви къ правдѣ.

П. Петровъ.

бр. 3, 18,
19. 26
Г. И. Панинъ, стр. 20 -
Н. И. Панинъ, стр. 21.
? 53!

2 6 ОКТ 1946